

КОНЦЕПЦИЯ ДИАЛОГА В РЕЛИГИОЗНОМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ М. БУБЕРА

На современном этапе актуальность проведения научных исследований в рамках концепции диалога в значительной мере связана с «коммуникативным взрывом» культуры. Однако это предопределяет исчезновение или стирание некоторых существенных аспектов диалогической стратегии (при акцентировании внимания на сообщении роль субъекта отходит на второй план или вовсе исчезает). Разработки диалогизма продолжают активно вестись во всем мире. В русскоязычном постсоветском пространстве концепцию диалога разрабатывают с учетом поиска новых ориентиров философии в противовес тенденциям социализма и индивидуализма.

Мартин (Мордехай) Бубер (1878–1965) – один из самых интересных и загадочных мыслителей XX в., создавший оригинальную версию религиозного экзистенциализма – «диалогическую онтологию». Он родился в Вене 8 февраля 1878 г. в еврейской семье. Большую часть жизни он прожил в Германии и Израиле. Родными языками философа были немецкий и иврит, при этом он знал еще и польский, английский, французский, итальянский языки и идиш. М. Бубер также мог читать испанские, латинские и греческие тексты. Но большинство философских работ было создано М. Бубером на немецком языке и на иврите. В соавторстве с Францем Розенцвейгом Мартин Бубер перевел Библию на немецкий язык с иврита. По мнению Льва Шестова и множества философов и исследователей, этот перевод выполнен блестяще. Также философом была предпринята попытка перевести работу Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» на польский язык.

Проблематика творчества М. Бубера ныне является одной из самых значимых в философии, культурологии, социологии, психологии и педагогике. Основное понятие философии Бубера – диалог – есть для него точка пересечения всех линий перспективы, иначе говоря – всех классических тем философии XX в.

Именно у М. Бубера мы узнаем о диалогичности мышления. В знаменитой работе «Я и Ты» («Ich und Du», 1923) М. Бубер поднимает проблему человеческих отношений на кардинально новый уровень, углубляя ее за счет вживания в мир «Другого». (Примечательно, что основные идеи диалогизма были сформированы М. Бубером еще до Второй мировой войны.) Отметим, что существуют различные варианты перевода заглавия работы некоторыми переводчиками на мировые языки: «Я и Ты» в переводе Ю. Терентьева и Н. Файнгольда на русский язык, «I and Thou» в переводе Р. Смита и

«I and You» в переводе В. Кауфмана на английский язык. Разночтение в английской версии перевода возникло в силу высокой плотности идиом и метафор в немецком тексте М. Бубера. В немецком языке слово *Du* («Ты») носит очень интимный и личный характер, который не имеет аналога в современном английском и русском языках. Р. Смит обосновывал свою позицию тем, что М. Бубер описывает Бога как «Вечное Ты», поэтому он считал целесообразным использование библейского аналога «Ты» – *Thou*. В. Кауфман, напротив, считал немецкое *Du* архаичным и неличным, поэтому полагал уместным перевод этого слова как *You* (и «Ты», и «Вы»).

Исследователь Стэнфордского университета М. Зэнг подчеркивает, что В. Кауфману было свойственно критическое отношение к идеям М. Бубера: «По стилю книга напоминает “всезнающий тон лживых пророков”, который звучал “больше притворно, нежели честно”. Бубер работал над текстом в состоянии “непоколебимого энтузиазма”, и ему недоставало критического дистанцирования, необходимого для проверки и корректировки его собственных формулировок. Его концепция *Я – Оно* предстает “оскорбительной”, в то время как концепция *Я – Ты* – “сумбурно романтичной и восторженной”. Скорее всего, Бубер “неверно принял глубокие эмоциональные всплески за откровения”» (цит. по: [1]). Отметим, что позиция В. Кауфмана имеет право на существование, но не выявляет достоинств концепции М. Бубера, которая представляет собой оригинальный вариант религиозно-экзистенциализма, где последний соединен с иудейской теологией. «Я и Ты» М. Бубера является теоретическим источником многих современных дискуссий о диалоге и межличностной коммуникации. Диалогическая онтология человеческого существования позволяет понять философию ученого как целостность и предстать его концепцию не только в области философии, но и в области германистики, иудаики, психологии, социологии и т. д. Т. П. Лифинцева пишет: «Специфический способ изложения Бубером своего учения, его художественный стиль, несистемность, нетрадиционная филология, попытка сформулировать альтернативное воззрение на язык и общество, стремление изменить стиль мышления читателей, – все это дает основание считать Бубера нетипичным для европейской культуры мыслителем — “просвещающим” философом (Рорти). А сам Бубер называл себя “бездомным” или “бесприютным” философом, продолжающим традицию Августина, Паскаля, Кьеркегора» [2]. Лев Шестов в работе, посвященной Буберу, отмечал: «Ни в “Я и Ты”, ни в “Диалоге” почти ничего не говорится ни о Библии, ни о хасидизме. Но они незримо в этих книгах присутствуют. Уже заглавие книги “Я и Ты”, как мы помним, открылось Буберу в Библии. Те же слова “встреча” и “отношение”, так характерные для этих книг, подсказаны были Буберу его разысканиями в областях хасидизма. И слово “безудержность” родилось в тайниках хасидской души. И все же надо думать, что Бубер не случайно обходит в этих своих книгах Библию и хасидизм. Если не

все обманывает, Бубер поставил себе задачу освободить еврейское учение от присущих ему элементов фантастического, сохранив при том всю силу и напряжение еврейской испытующей мысли» [3].

Своеобразный характер медитации носят рассуждения, в зоне которых постигается глубина межчеловеческого общения. Написанное специфическим языком в афористической форме, произведение М. Бубера несет в себе некий парадокс или открытие о том, что человек, «Я», не может ничего сказать о себе, не соотнеся себя с «Другим». Такого рода мышление является «участным мышлением» и преобладает во всех системах. В философии до М. Бубера не существовало понятия «Другой». «Средневековая интуиция, воплощенная в понятии “Альтер-Эго”, отражает лики меня самого, а вовсе не того, кто вступает со мною в общение в качестве суверенной инстанции, независимой и значимой для меня личности. Идея абсолютной равнозначности “Я” и “Ты” – это и есть, по существу, открытие М. Бубера. Естественно, он не был единственным мыслителем, подошедшим к этому прозрению. Можно назвать также идеи И. В. Гёте или М. М. Бахтина. Однако иерусалимский философ разработал представление о “встрече” и “диалоге” с предельной обстоятельностью», – отмечает П. С. Гуревич [4, с. 161].

Мир человека двойствен, утверждает М. Бубер. Это определяется двойственностью его позиции, которая может быть выражена двумя парами «основных слов», произносимых человеком: *Я – Ты* и *Я – Оно*. М. Бубер пишет:

Основные слова произносят своим существом.
Если сказано *Ты*, то вместе с этим сказано *Я* пары *Я – Ты*.
Если сказано *Оно*, то вместе с этим сказано *Я* пары *Я – Оно*.
Основное слово *Я – Ты* можно сказать только всем своим существом.
Основное слово *Я – Оно* никогда нельзя сказать всем существом [1, с. 5].

М. Бубер считал, что отношение *Я – Ты* возможно не только между людьми, но и между человеком и любым живым существом, предметом или природным объектом, например, между человеком и деревом: «...в этом случае вместо биологических или физических характеристик дерева мы будем иметь дело с его ценностной, духовной природой. В этом смысле Бубер сопоставлял *Я – Ты* отношение с полинезийским термином “мана”, введенным в оборот Брониславом Малиновским, который описывал “ману” как доре­лигиозное озарение при внезапном ощущении духовной силы, стоящей за тем или иным явлением. Два типа отношения, по концепции Бубера, порождают два противоположных образа мира; человек не может постоянно пребывать в состоянии *Я – Ты* отношения, но “тот, кто живет лишь *Оно* – не человек”» [6].

Взаимоотношение «Вечного Ты» и мира в философии М. Бубера можно охарактеризовать как панентеизм, когда Бог мыслится присутствующим в мире, а мир – пребывающим в Боге. «Вечное Ты», Господь, постигается через мир и посредством мира:

Не существует *Я* самого по себе, а только *Я* основного слова *Я – Ты* и *Я* основного слова *Я – Оно*.

Когда человек говорит *Я*, он имеет в виду одно из этих двух. То *Я*, которое он имеет в виду, присутствует, когда он говорит *Я*. И когда он говорит *Ты* или *Оно*, снова присутствует *Я* одного или другого основного слова.

Быть *Я* и произносить *Я* суть одно. Произносить *Я* и произносить одно из основных слов суть одно.

Кто произносит основное слово, тот входит в слово и пребывает в нем [5, с. 4].

Одно основное слово – это пара *Я – Ты*. «Кто произносит *Ты*, не имеет никакого нечего в качестве объекта», – поясняет П. С. Гуревич [4, с. 160]. *Ты* безгранично, это целый мир, но он не разъединен с *Я*. Другая пара – *Я – Оно*. Человек познает мир, обследует поверхность вещей и знакомится с ними, добывается сведений об их структуре, приобретает знания. Таким образом, *Я* познает *Нечто*. Но там, где есть *Нечто*, есть и другое *Нечто*. Каждое *Оно*, по мысли М. Бубера, граничит с другими *Оно*. Познавая, человек остается непричастен к миру, потому что мир не сопричастен процессу познания. Мир позволяет изучать себя, но он не откликается, не соучаствует, ведь с ним ничего не происходит. «Диалогический дух» у М. Бубера противостоит греческому монологизму, и, чтобы преодолеть его, философ обращается к библейским истокам. Он называет три важнейшие сферы, где реализуется связь между *Я* и *Ты*. Связь обнаруживается не только между людьми, она обнаруживается во встрече с другими существами и вещами. Первая сфера – это *жизнь с природой*. Вторая – это *жизнь с людьми* (отношение здесь принимает речевую форму). Третья сфера – *жизнь с духовными сферами*. «Здесь отношение окутано облаком, раскрывает себя безмолвно, но порождает речь. Мы не слышим никакого *Ты*, но, все же, чувствуем зов, и мы отвечаем, творя образы, думая, действуя. Мы говорим основное слово своим существом, не в силах вымолвить *Ты* своими устами», – комментирует П. С. Гуревич [4, с. 163]. «Другой», по мысли М. Бубера, является носителем значения, но не имеет объективного содержания. Мыслитель проводит аналогию со сферами искусства для разъяснения смысла, в котором мы можем говорить о Едином Боге. Мы ощущаем присутствие Бога в целой цепи, последовательности встреч *Я – Ты*. Чтобы понять стихотворение, мы должны осмыслить его уникальное звучание в нас. Однако, когда мы осмыслим несколько стихотворений того же автора, то постигнем больше, чем в отдельном стихотворении. Начинается постижение поэта и его поэзии в целом. Н. П. Лифинцева акцентирует: «Единый Бог является из множества встреч с Вечным *Ты*, но именно *Ты*, а не объектом. Его природу нельзя фиксировать в пропозициональных формах» [2].

Ты предстает как *Вечное Ты*, Бог. Центральная идея философии М. Бубера – бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром.

Диалог созидателен и спасителен лишь тогда, когда он осуществляется в присутствии Бога, при условии выполнения Его заповедей о нравственности и любви. Именно в этом диалоге выявляется жизненность и Самого Бога. П. С. Гуревич пишет: «В книге “Я и Ты”, как и во всех последующих, М. Бубер предупреждает, что беседа с Богом не может быть понята как нечто, происходящее только в стороне от повседневности или над нею. Речь Бога, обращенная к людям, пронизывает все, что происходит вокруг нас, все биографическое и все историческое. Событие за событием, ситуация за ситуацией обретают благодаря личной речи силу и право требовать от человеческой личности, чтобы она выстояла и приняла решение. Существование взаимности между Богом и человеком недоказуемо, как недоказуемо наличие, присутствие Бога» [4, с. 168]. Т. П. Лифинцева замечает: «Бубер использует пример Платона с солнцем, чтобы объяснить отношение встречи с Вечным *Ты* к другим встречам *Я – Ты*. Как солнце одновременно есть и самый видимый из объектов и источник света, делающий видимыми все другие объекты, так и Бог, Вечное *Ты*, – это одновременно и высший собеседник, партнер в диалоге, и сила, делающая возможными все другие встречи *Я – Ты*. Мы познаем Вечное *Ты* как основание всех встреч *Я – Ты* благодаря всеобщей основе бытия и значения, которая проявляется, когда мы вступаем в любое отношение *Я – Ты*» [2]. Но М. Бубер также предупреждает об опасности прагматического отношения к Богу. Как уже отмечалось, существование взаимности между Богом и человеком недоказуемо. «Кто все же отваживается говорить об этой взаимности, тот взывает к свидетельству Того, к Кому обращена речь, – свидетельству нынешнему или будущему» [4, с. 169].

Слово, речь – это Божественная тайна, тайна творения. Книга Бытия, как и Евангелие от Иоанна, свидетельствуют, что «в начале было Слово». Слово, речь, диалог – это акты Божественного творения. М. Бубер полагает, что вся история человечества представляет собой диалог между Богом и Его творениями. Мир – это Слово Божье, причем это Слово уже сказано. Господь уже обратился к человеку, теперь следует ответ от человечества. Н. П. Лифинцева пишет: «Мир у Бубера суть слово Божье. Бог творит вещи, именуя их, вызывая из небытия. Бубер открывает в хасидизме (так же, как и в Каббале) метафизический подход к языку как к инструменту Бога. Святой язык – это не средство выражения мыслей и не средство контакта между людьми. Для иудаизма вообще характерно понимание Речи, Слова как общения самих по себе. Гершом Шолем писал: “Язык в своей самой чистой форме, а именно иврит, отражает фундаментальную духовную природу мира, другими словами, он имеет мистическую ценность. Речь достигает Бога, потому что она исходит от Бога. Обычный человеческий язык отражает творческий

язык Бога. Всякое творение, все, что живет — это выражение языка Бога, и что в конечном счете может открываться, как не Имя Божье?» [2].

Лев Шестов, завершая свою статью о Бубере, пишет: «В истории мира был момент, когда кто-то отнял у людей свободу и подsunул им вместо свободы – знание. И еще ухитрился внушить им убеждение, что только познание обеспечивает им свободу. <...> И хасиды утверждали, что души великих святых вырвались из лона Адама, прежде чем он вкусил от плодов дерева познания, и что их знание не запятнано первородным грехом. Но нужно прочно держаться принципа Бубера: теофании могут меняться, но Бог не меняется. И, следуя Буберу, мы должны не только пройти через теофанию современного человека, как она выразилась в “Я и Ты” и в “Диалоге”, мы должны пройти через теофанию его “Речей”, его “хасидских книг” и, наконец – last, but not least – через его великолепный перевод Библии. И тогда лишь причастимся мы того огромного напряжения всего его существа, которое он выразил в словах, что в нашем мире исполняется судьба Бога: тогда только пойдем и почувствуем мы ту глубокую серьезность, которой пропитано все, что он говорил и писал» [3].

Исходя из концепции М. Бубера, можно прийти к выводу, что его философия более иррационалистична, чем другие варианты экзистенциализма (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. П. Сартр и др.). Понимание диалога М. Бубером нетипично для европейской ментальности, где существует четкое разделение функций субъекта и объекта, бытия и мышления. В то же время его мысли о субъектной коммуникации, стремление к диалогу культур и религий делают его учение актуальным и близким нам.

Литература

1. *Zank, M. Martin Buber / M. Zank // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition) / ed. E. N. Zalta. – [Electronic resource]. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/buber>. – Date of access: 01.04.2014.*

2. *Лифинцева, Т. П. Философия диалога Мартина Бубера / Т. П. Лифинцева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/iphras/library/lifinceva.html>. – Дата доступа: 01.04.2014.*

3. *Шестов, Л. Мартин Бубер / Л. Шестов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/shestov/shestov_martin_buber.html. – Дата доступа: 01.04.2014.*

4. *Гуревич, П. С. Философская антропология Мартина Бубера / П. С. Гуревич // Я и Ты / М. Бубер. М., 1993. С. 160–174.*

5. *Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер; пер. с нем. Ю. С. Тереньтева и Н. Файнгольда; послесл. П. С. Гуревича. М., 1993. – 175 с.*

6. *Мартин Бубер // Wikipedia, the Free Encyclopedia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Buber_Martin. – Дата доступа: 01.04.2014.*